

МИРА ЛИСОВА

ЦВЕТА
и
ЖЕЛЕЗА

Мира Лисова

Цвета и Железа

<https://litres.ru/74102664>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, когда твой бог — Лес, а тебя заковали в кольца, которые глушат его голос?

Айя — Проводница. Она слышит Лес, управляет аватарами и никогда не бывает одна. Но один рейд меняет всё. Плен. Цитадель. Арена, где пленники собирают цветы, питающиеся эмоциями. Принц в саркофаге ищет носителя Чистого Гена, чтобы обрести новое тело.

Здесь она встречает Серёжу — парня из уничтоженного мира Железных Земель. Их тянет друг к другу вопреки системе. Их связь рождает Третью Силу. А единственное оружие — ржавый брусок настоящего железа.

История о свободе, которая требует жертв. И о любви, которая становится оружием.

Содержание

ЦВЕТА И ЖЕЛЕЗА	5
ПРОЛОГ. ДВА СОЗНАНИЯ	7
1. Лес	7
2. Принц	10
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЛЕН	13
Глава 1. Рубеж Соли	15
Глава 2. Дорога мёртвых	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мира Лисова Цвета и Железа

ЦВЕТА И ЖЕЛЕЗА

Роман «Цвета и Железа»

Что делать, когда твой бог — Лес, а тебя заковали в кольца, которые глушат его голос?

Айя — Проводница. Она слышит Лес, управляет аватарами и никогда не бывает одна. Но один рейд меняет всё. Плен. Цитадель. Арена, где пленники собирают цветы, питающиеся эмоциями. Принц в саркофаге ищет носителя Чистого Гена, чтобы обрести новое тело.

Здесь она встречает Серёжу — парня из уничтоженного мира Железных Земель. Их тянет друг к другу вопреки системе. Их связь рождает Третью Силу. А единственное оружие — ржавый брусок настоящего железа.

История о свободе, которая требует жертв. И о любви, которая становится оружием.

#ЦветаИЖелеза #биопанк #антиутопия #тёмноефэнтези #YoungAdult #постапокалиптика #фэнтези #научнаяфантастика #ЛесИЦитадель #АнемоныДуши #ТретьяСила #ПотаённоеЖелание #Проводница #ПринцСептимус #ЖелезныеЗемли #Големы #красныйсумрак #мирбудущего #любовькакоружие #бунтпротивсистемы #свобода #выбор #природапротивмашин #силачувств #выживание #мрачныймир #сильныегероини #романтикавфэнтези #новинка #книга #роман

ПРОЛОГ. ДВА СОЗНАНИЯ

1. Лес

Лес не помнил своего рождения. Он помнил только боль.

Боль была первой нотой в симфонии его сознания — миллиарды корней, пронзающих выжженную почву; миллиарды спор, задыхающихся в кислотных дождях; миллиарды гибнущих клеток, которые он не успевал регенерировать. Он был создан, чтобы исцелить планету, и планета убивала его в ответ.

Его создатели называли его «Семя Жизни». Биоинженерный вирус, запущенный в атмосферу умирающей Земли. Он должен был восстановить биосферу за триста лет. Вместо этого он боролся за выживание три тысячи.

Первые столетия он провёл в агонии. Почва была отравлена. Вода — кислотна. Воздух — разрежён. Всё, что он пытался вырастить, погибало. Но он учился. Каждая погибшая клетка оставляла после себя генетический слепок, и Лес сохранял его. Каждая смерть становилась уроком. Каждый урок — новой мутацией.

К концу первого тысячелетия он создал первого аватара.

Это был маленький цветок, способный ползать по земле на корнях-ножках. Неуклюжий, медленный, он прожил все-

го три дня. Но он двигался. Он был живым — по-настоящему живым. Лес запомнил его генетический код и попробовал снова.

Через сто лет появились кусты-ползуны. Ещё через двести — древо-змеи, способные душить добычу ветвями. Ещё через триста — первый древо-тигр. Огромный, величественный, покрытый корой вместо шкуры, с когтями из заострённых ветвей и полосами, светящимися фотосинтезирующим светом. Он стал вершиной эволюции Леса — идеальным хищником, идеальным симбионтом, идеальным воплощением замысла создателей.

Но Лесу нужны были не только звери. Ему нужны были голоса.

Люди. Последние люди, выжившие в подземных бункерах. Они выходили на поверхность — больные, слабые, напуганные. И Лес принимал их. Не поработал — сливался. Его споры проникали в лёгкие, в кровь, в нервную систему. Не убивали — изменяли. Давали способность слышать. Давали защиту от радиации и токсинов. Давали новую цель.

Так появились Проводники. Первые — неловкие, оглушённые голосом Леса в голове. Они сходили с ума, не выдерживая потока информации. Но Лес учился и этому — снижать громкость, фильтровать сигнал, говорить шёпотом.

Через три тысячи лет после запуска «Семени» родилась Айя.

Она была первой, кто не сопротивлялся. Первой, кто при-

нял Лес целиком. Её мать, Проводница в пятом поколении, родила её в дупле Старшего Дуба — гигантского дерева, служившего нервным узлом этой части Леса. Когда Айя сделала первый вдох, она не заплакала. Она запела. Ноту, которую Лес не слышал с момента своего создания. Ноту, ради которой он боролся три тысячи лет.

И в тот же миг на другой стороне мёртвой пустоши, в Цитадели из металла и камня, проснулся тот, кто тоже помнил эту ноту.

2. Принц

Септимус не помнил своего рождения, но помнил свою смерть.

Он умер три тысячи лет назад. Ему было сорок два года, и он был главным инженером проекта «Семя Жизни». Именно он написал код, запустивший вирус в атмосферу. Именно он рассчитал скорость распространения, глубину проникновения, процент выживаемости. Именно он стоял перед комиссией ООН и говорил: «Через триста лет планета будет зелёной».

Планета стала зелёной. Но не через триста лет. И не так, как он планировал.

Когда вирус мутировал и вышел из-под контроля, Септимус был одним из первых, кто понял масштаб катастрофы. Лес, созданный для восстановления, начал перестраивать мир под себя. Он поглощал экосистемы, менял климат, проникал в грунтовые воды. Он не был злым — у него не было категорий добра и зла. У него была одна директива: «Расти».

Септимус пытался остановить его. Собрал команду, запустил протокол «Солончак» — выжиг спорами соли тысячи гектаров почвы, создав барьер. Построил Цитадель — автономное убежище, способное выдержать любую биологическую атаку. Он верил, что сможет сдержать Лес. Верил до

того дня, когда его собственное тело начало меняться.

Споры проникли в Цитадель. Незаметно. Через вентиляцию, через воду, через микротрещины в обшивке. Они не убивали — они перестраивали. Септимус почувствовал, как его мышцы деревенеют, как кожа грубеет, как в голове начинает звучать чужая песня — та самая нота, которую он когда-то запрограммировал как сигнал «всё хорошо».

Он не мог допустить, чтобы Лес поглотил и его. Он приказал поместить себя в саркофаг — камеру жизнеобеспечения с полной фильтрацией. Он отключил своё тело ниже шеи, оставив только мозг и правую руку. Он стал пленником собственной машины. Но он выжил.

Три тысячи лет он провёл в саркофаге. Три тысячи лет наблюдал, как его потомки деградируют — поколение за поколением, пока не превратились в Големов: огромных, тупых, послушных. Три тысячи лет он искал выход. И три тысячи лет он ждал знака.

Этим знаком стала девочка, родившаяся в дупле Старшего Дуба.

Когда Айя запела свою первую ноту, Септимус открыл глаза в зеленоватой жидкости саркофага. Датчики зафиксировали всплеск биоэлектрической активности невиданной силы. Анализ показал: Чистый Ген. Идеальное совпадение. Тело, способное принять его сознание без отторжения.

— Наконец-то, — прошептал Принц пересохшими губами. — Наконец-то.

Он начал охоту.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЛЕН

Глава 1. Рубеж Соли

Рассвет над Рубежом был белым.

Не золотым, не розовым, не алым — белым, как кость, как соль, как смерть. Солнце вставало над бесконечной пустошью, и его лучи отражались от кристаллов так ярко, что незащищённые глаза выгорали за минуты. Даже птицы не летали над Рубежом. Даже ветер обходил его стороной. Здесь не было ничего живого. Только соль. Только белизна. Только тишина.

Айя стояла на краю Леса и смотрела в эту белизну. Её глаза были защищены — тонкая мембрана, подарок симбиоза, мерцала радужной плёнкой, отфильтровывая вредный спектр. Она видела то, что не видел обычный человек: движение соляных потоков глубоко под землёй, трещины в тектонических плитах, колебания электромагнитного поля. И ещё она слышала Лес.

«Не ходи туда».

Голос не был голосом. Он был ощущением — холодок в позвоночнике, сжатие диафрагмы, древний инстинкт, который старше человечества. Лес не говорил словами. Он посылал образы, эмоции, иногда — обрывки воспоминаний (чьих — Айя не знала). И сейчас он посылал тревогу. Густую, как смола. Липкую, как страх.

— Я и не собираюсь, — прошептала Айя. — Мы просто

смотрим.

Лина хмыкнула за её спиной. Она сидела на корточках и чертила что-то на земле обломком ветки. Лина была невысокой, коренастой, с вечно растрёпанными рыжими волосами и лицом, усыпанным веснушками. Она никогда не слушала Лес — у неё был самый слабый дар среди Проводников их поколения. Зато у неё был самый острый язык.

— Смотрим уже третий час, — сказала она, не поднимая головы. — Может, хватит? Мои глаза устали. Твои, может, и защищены мембраной, а у меня обычные, человеческие. Я уже вижу соляные зайчики.

— Заткнись, Лина, — беззлобно бросил Матвей.

— Я серьёзно, — Лина наконец поднялась и отряхнула руки. — Нам сказали: рутинный патруль. Проверить, не нарушена ли граница. Граница не нарушена. Пошли домой, пока соляные бури не начались.

— Граница — да, — Айя обернулась. — А земля — нет.

Она указала на полосу в десяти метрах от себя. Лина прищурилась. Матвей оттолкнулся от лошади и подошёл ближе.

Там, где ещё вчера росли низкорослые кусты-пионеры — первые разведчики Леса, пробующие почву на пригодность, — теперь чернела проплешина. Идеально круглая. Диаметр метра три. Кусты исчезли бесследно.

— Это что? — спросил Матвей.

— Не знаю, — честно сказала Айя.

Она закрыла глаза и потянулась к Лесу. Это было похо-

же на погружение в тёплую воду — сначала темнота, потом шум (как ракушка у уха, только громче), потом образы. Она спросила: «Что здесь было?» — и получила ответ.

Образ был смазанным и нечётким. Что-то вырвалось из-под земли. Что-то металлическое, бурящее, вращающееся. Что-то, что не дышало, но двигалось. Лес не понимал машин — они были для него слепым пятном, пустотой в паутине жизни. Но он чувствовал их голод.

— Кроты, — сказала Айя, открывая глаза. — Они пробурили ход. Прямо здесь, ночью.

— Откуда ты знаешь? — Лина подошла ближе. — Ты же не чувствуешь машин. Ты сама говорила.

— Я не чувствую машин. Но я чувствую, как Лес реагирует на них. Он боится.

Лина и Матвей переглянулись. Лес не боялся ничего. Лес был древним, мудрым, терпеливым. Если Лес боялся — значит, дело было серьёзным.

— Вызываем подкрепление? — спросил Матвей.

— Сначала проверим, — Айя шагнула вперёд.

— Айя...

— Я быстро.

Она подошла к краю проплешины и опустилась на колени. Почва была сухой, как пепел. Никакой жизни. Даже микробов. Она протянула руку, чтобы коснуться земли, и в этот момент земля вздрогнула.

Древо-лошадь заржала — звук, похожий на скрип сотни

стволов одновременно. Матвей выхватил посох с наверху из живого кристалла — оружие Хранителей, способное фокусировать энергию Леса в боевой импульс. Лина отпрыгнула назад, к деревьям, сжав в руке амулет-цветок (раскроется — значит, рядом опасность; не раскроется — можно выдохнуть).

Амулет раскрылся.

— Айя, назад! — крикнула Лина.

Но Айя уже поняла: убежать поздно. Она вспомнила уроки наставников: «Кроты атакуют из-под земли. Если ты побежал — ты мёртв. Единственный шанс — замереть и слушать». И она слушала. Слушала не ушами — всем телом. Каждой клеткой, всё ещё хранившей связь с Лесом.

Толчок. Ещё один. Прямо под ней.

Она прыгнула вбок за мгновение до того, как почва взорвалась.

Из-под земли вырвалось оно. Буровая голова — тупая, стальная, вращающаяся с воем, от которого закладывало уши. За ней — сегментированное тело, каждое кольцо которого было усеяно захватами: металлическими клешнями, щупальцами с присосками, миниатюрными бурами. Крот. Машина, похожая на гигантского червя. Метров пять в длину, не меньше. От него пахло озоном, машинным маслом и чем-то ещё — чем-то мертвенным, неживым.

— Айя! — закричал Матвей.

Она уже катилась по земле, уходя от захватов. Один из

них клацнул в сантиметре от её ноги. Второй пролетел над головой. Кристалл на её груди — её связь с Лесом — вспыхнул ярко-зелёным. Она позвала.

И Лес ответил.

Древо-тигр выпрыгнул из чащи бесшумно, как тень. Три метра мускулов, коры и когтей-ветвей. Его полосы светились тусклым фотосинтезирующим светом — сейчас, в момент опасности, они горели ярко, как сигнальные огни. Он обрушился на Крота с рёвом, который был одновременно звериным рыком и скрипом падающего дерева — звук, от которого вибрировали кости.

Крот задрожал. Его захваты впились в бока тигра, но кора была слишком твёрдой — они соскальзывали, оставляя лишь царапины. Тигр рвал машину когтями, выдирая куски металла, и из ран Крота брызгало что-то чёрное, маслянистое.

И тогда машина сменила тактику.

Из сегментов тела выдвинулись трубки — тонкие, серебристые. Они извергли энергетические кольца.

Айя увидела их впервые в жизни.

Они были прекрасны и отвратительны одновременно. Серебристые обручи, пульсирующие бледно-голубым, они вылетели из труб и расширились в воздухе, как мыльные пузыри — только не лопались, а росли, росли, пока не достигли размеров человеческого тела. Один обруч обхватил тигра поперёк туловища. Сжался.

Зверь рухнул.

Его фотосинтезирующие полосы погасли разом, как лампы при отключении тока. Сознание Леса, наполнявшее аватара, исчезло, как вода в песке. Тигр лежал на боку, и его рёбра вздымались — он был жив, физически жив, но всё остальное, всё, что делало его чем-то большим, чем просто животным, ушло.

— Нет! — Айя бросилась вперёд.

Она попыталась призвать энергию Леса — защитный кокон, который всегда срабатывал раньше. Зелёное свечение окутало её тело, сплетаясь в плотную сеть. Но обруч пробил его, как нож пробивает мыльную плёнку. Серебристый металл сомкнулся вокруг её талии, потом — вокруг запястий, вокруг щиколоток.

Он не был холодным или горячим. Он был никаким. И это «никакое» было хуже всего.

Айя упала.

Она всё ещё была в сознании. Она всё ещё видела, слышала, дышала. Но связь с Лесом — та самая нить, которая соединяла её с чем-то большим с самого рождения, — исчезла. На её месте была пустота. Не тишина — тишину можно вынести. Пустота. Как будто у неё отняли часть души.

Она попыталась позвать Лес — и не услышала ответа. Попыталась ещё раз — ничего. Ещё раз — и тут её накрыло паникой. Настоящей, животной, липкой. Она открыла рот, чтобы закричать, но кольцо на горле сжалось, и крик застрял

внутри.

— Айя! — голос Лины доносился откуда-то издалека, хотя Айя видела, что подруга всего в десяти шагах.

Третий обруч поймал Матвея. Он попытался отбиться посохом, но посох выпал из ослабевших рук. Четвёртый обруч — Лину. Она даже не сопротивлялась.

Они лежали втроём на выжженной земле, скрученные серебристыми кольцами, и над ними нависала туша Крота — израненная, дымящаяся, но живая.

Из пробурённого отверстия вылезли они.

Големы.

Их было трое. Огромные, метра по три в высоту, с непропорционально длинными руками и ногами и неестественно маленькими головами. Если бы Айя не знала их истории, она бы решила, что это неудачная шутка эволюции. Но она знала — из уроков старейшин, из песен Леса. Когда-то они были людьми. Поколения симбиоза с Энергией Подавления изменили их тела. Мускулы разрослись до чудовищных размеров. Нервная система перестроилась. Мозг, лишённый необходимости обрабатывать эмоции, атрофировался.

Их серая кожа напоминала слоновью — толстая, грубая, испещрённая шрамами. Их лица не выражали ничего. Глаза — маленькие, тёмные — смотрели на пленников без злобы. Без любопытства. Просто смотрели.

Они двигались молча, слаженно, как части одного механизма. Один из них наклонился над Айей — его голова раз-

мером с человеческий торс нависла над ней, как глыба. Она увидела своё отражение в его глазах — маленькая, скрученная, жалкая. Увидела, как его губы шевельнулись, но не услышала ни звука.

Големы не говорили. Они гудели — низкой, инфразвуковой частотой, которую человеческое ухо не воспринимало, но которую чувствовало тело. Вибрация шла через землю, через кольца, через кости. Она проникала в грудную клетку и заставляла сердце биться в резонанс. И в этой вибрации был приказ.

«Взять. Доставить. К Принцу».

Голем поднял Айю одной рукой, как тряпичную куклу. Его пальцы — толстые, как ветви, — сомкнулись вокруг её туловища. Она не могла пошевелиться. Не могла закрыть глаза. Могла только смотреть.

Другой рукой он поднял Лину. Третий Голем — Матвея. Четвёртый — остальных выживших (их было ещё пятеро, Айя не успела их разглядеть).

Тигра они оставили умирать на соли.

И тогда Айя услышала это. Не голос. Не образ. Чувство. Последнее, что Лес успел передать ей, прежде чем расстояние окончательно разорвало их связь. Одно-единственное чувство. Отчаянное, как молитва.

«Вспомни железо».

И тишина.

Она не знала, что это значит. Не знала, о каком железе го-

ворит Лес. Но она запомнила. Запомнила, потому что больше запоминать было нечего — только это чувство, только этот приказ, только эта ниточка, связывающая её с миром за пределами красного ада, в который её везли.

Платформа-клетка загудела, поднимаясь на магнитной подушке. Големы заняли места по периметру. Крот, вибрируя и роняя чёрное масло, пополз обратно в нору — его миссия была выполнена.

Айя лежала на холодном металлическом полу, чувствуя, как вибрация платформы отдаётся в каждом кольце. Лина плакала — беззвучно, потому что кольцо душило рыдания. Матвей смотрел в небо — точнее, в решётчатый потолок клетки, — и губы его шевелились, повторяя что-то.

Айя прислушалась. Молитва? Песня?

Нет. Он повторял снова и снова:

— Железо... Железо... Железо...

Как будто тоже слышал.

И платформа плыла над белой равниной, унося их в Цитадель.

Глава 2. Дорога мёртвых

Платформа плыла над Солончаком.

Айя лежала на холодном металлическом полу клетки и смотрела в небо сквозь серебристые прутья. Вернее, пыталась смотреть. Кольца на шее и запястьях не давали повернуть голову — они фиксировали тело в том положении, в котором застали в момент захвата. Её щека была прижата к ребристой поверхности. Руки вывернуты за спину. Ноги скованы вместе.

Она не чувствовала боли — кольца блокировали и её. Но она чувствовала унижение. Глубокое, вязкое, как ил на дне лесного пруда. Проводница Леса — та, кто слышит голос тысячелетнего разума, — лежит на полу, как мешок с костями.

Лина была рядом. Айя видела её краем глаза — рыжие волосы разметались по металлу, лицо бледное, губы дрожат. Она пыталась что-то сказать, но кольцо душило звук.

Матвей лежал дальше. Его глаза были открыты и смотрели в одну точку — куда-то вверх, где сквозь решётку виднелось белое небо. Он больше не шептал «железо». Он молчал. И это молчание пугало Айю больше, чем крик.

В клетке были и другие. Пятеро Хранителей с дальних постов. Айя знала их в лицо, но не по именам — они служили в другом секторе. Один, пожилой мужчина с седой бородой, лежал без сознания. Двое молодых, парень и девушка,

жались друг к другу. Ещё один — мускулистый, с выбритой головой — пытался разорвать кольца, напрягая мышцы до дрожи, но тщетно. Пятый лежал лицом вниз и не двигался. Возможно, был мёртв. Возможно, просто потерял сознание. Айя не могла проверить.

Она закрыла глаза и попыталась привычным усилием потянуться к Лесу.

Пустота.

Не тишина — тишина подразумевает возможность звука. Здесь не было возможности. Как будто у неё отняли не слух, а саму способность слышать. Как будто вырвали из груди орган, о существовании которого она не подозревала до того, как его не стало.

Она попыталась снова. И снова. И снова.

Пустота. Пустота. Пустота.

— Бесполезно, — прохрипел кто-то рядом.

Айя скосила глаза. Мускулистый Хранитель перестал бороться и теперь лежал на спине, тяжело дыша. Его звали, кажется, Тор — странное имя для Проводника, но он был из пришлых, из тех, кто принял симбиоз уже взрослым.

— Я уже пробовал, — сказал он. — Пять часов пробовал. Кольца глушат всё. Не только связь с Лесом. Эмоции тоже. Попробуй разозлиться. Не получится.

Айя попробовала. Подумала о том, что её везут в плен, что её друзья скованы, что древо-тигр — тот самый, которого она вырастила из саженца, — умирает на соли. Попыталась

вызвать ярость, которая помогла бы ей бороться.

Ничего.

Эмоция возникла — она чувствовала её где-то на периферии сознания, как радиосигнал, пробивающийся сквозь помехи. Но дойти до тела, до мышц, до голоса она не могла. Кольца глушили её, как глушат неудобные станции.

— Я Тор, — сказал мускулистый. — Западный сектор, пятый пост.

— Ая, — ответила она. — Центральный, первый.

— Первый? — он хмыкнул. — Значит, ты та самая. Проводница, которая слышит Лес лучше всех. Наслышан.

— Взаимно, — соврала она. Она не слышала о нём. Но сейчас это было неважно.

Платформа качнулась. Голем на посту переступил с ноги на ногу — его огромная ступня гулко ударила по металлу. Ая перевела взгляд на него.

Вблизи Голем был ещё ужаснее, чем издалека. Его кожа была не просто серой — она была покрыта микротрещинами, как пересохшая глина. Из трещин сочилось что-то тёмное, маслянистое. Его руки свисали ниже колен и заканчивались пальцами, похожими на обрезки труб. Его голова — маленькая, не больше человеческого торса — сидела на короткой толстой шее. Лицо было почти лишено черт: маленькие глаза без ресниц, две щели вместо носа, тонкая полоска рта. Ни бровей. Ни морщин. Никаких признаков индивидуальности.

Но самым страшным были не его размеры. Самым страшным был его взгляд. Айя ожидала увидеть в нём злобу или хотя бы холод — но увидела пустоту. Таковую же, как та, что поселилась внутри неё после захвата. Голем не хотел причинять им боль. Не хотел их убить. Он просто выполнял приказ. Как машина. Как инструмент.

— Откуда они? — спросила Айя, не отрывая взгляда от Голема.

— Кто? — не понял Тор.

— Големы. Кем они были? Почему стали такими?

— Легенды говорят — они потомки тех, кто ушёл под землю во время Экокатастрофы, — подал голос Матвей. Айя вздрогнула: она думала, он в трансе. — Они строили убежища, пока Лес рос наверху. Пили переработанную воду. Ели синтетическую пищу. А потом что-то случилось с их машинами. Какая-то авария. И энергия, которая должна была питать их город, начала питать их самих. Менять. Подавлять.

— Откуда ты знаешь? — спросила Айя.

— Песни старейшин, — ответил Матвей. — Ты бы тоже знала, если бы ходила на собрания.

— Я хожу.

— Иногда.

Они замолчали. Платформа плыла дальше. Солончак растянулся вокруг — бесконечная белая пустошь, плоская, как стол. Ни холма. Ни камня. Ни трещины. Только соль и небо. И тишина — та особая тишина, которая бывает только в

мёртвых местах. Даже гул платформы не нарушал её — он сливался с ней, становился её частью. В одном месте на полу платформы темнело маслянистое пятно — след от раненого Крота, который полз обратно в нору, истекая чёрной кровью машины.

Айя смотрела на соль и думала.

Она знала, что такое Солончак. Знала из уроков истории, из генетической памяти Леса, из рассказов старейшин. Три тысячи лет назад, когда Лес только начинал распространяться, люди попытались остановить его. Они запустили протокол «Солончак» — выжгли почву химическими реагентами, насытили её солями тяжёлых металлов, создали полосу смерти шириной в десятки километров. Лес не мог преодолеть её. Его корни, попадая в отравленную землю, отмирали за часы. Его споры, долетая до середины пустоши, падали мёртвыми.

Так продолжалось три тысячи лет. Лес рос ввысь и вглубь, но не вширь. Солончак держал его, как стены держат воду.

До сегодняшнего дня.

— Они пробурили ход, — сказала Айя вслух.

— Что? — не понял Тор.

— Кроты. Они пробурили ход под Солончаком. Раньше такого не было. Они научились обходить соль. Это значит...

— ...что они готовят вторжение, — закончил Матвей. —

Не просто рейд. Полномасштабное вторжение.

Все замолчали. Даже Голем, стоявший на посту, на мгно-

вание замер — хотя, возможно, Айе это просто показалось.

Она снова посмотрела на белую пустошь. Теперь она видела её иначе. Не как барьер — как линию фронта. Линию, которая скоро будет прорвана.

И тогда на горизонте показалась Цитадель.

Айя видела её раньше — в снах, которые посылал Лес. Но видеть во сне и видеть воочию — разные вещи. В снах Цитадель была образом. Символом. Здесь она была реальной.

Она выростала из земли, как больной зуб. Чёрная, ребристая, асимметричная. Никаких плавных линий, никакой гармонии, никакой архитектурной логики — только функциональность, доведённая до абсурда. Огромные шестерни, вделанные прямо в стены, вращались с низким гулом, и этот гул был слышен даже на расстоянии километров. Трубы извергали пар — грязно-белый, с желтоватым оттенком. Кабели свисали отовсюду, как внутренности выпотрошенного зверя. Цитадель не была городом. Она была машиной. Огромной, безумной, живущей по своим законам.

Но самым страшным был свет. Он был красным. Тусклым, пульсирующим, как сердцебиение умирающего. Он заливал всё вокруг — стены, трубы, небо над башнями. И в этом свете лица пленников казались лицами мертвецов.

— Это ад, — прошептал Матвей.

Лина рядом с Айей наконец смогла выдавить звук — полувсхлип-полустон. Кольцо на её горле чуть ослабло, видимо, реагируя на приближение к Цитадели.

— Ад — это выдумка, — ответила она. Голос был хриплым, как после долгого крика. — А это реальность.

— Реальность можно изменить, — тихо сказала Айя.

Лина повернула голову — насколько позволяли кольца.

— Ты правда в это веришь?

Айя не ответила. Она не знала, верит ли. Но она помнила последнее чувство Леса. «Вспомни железо». И пока она помнила — у неё была цель. А пока есть цель — есть надежда.

Платформа въехала в распахнутые ворота.

Ворота были гигантскими — метров двадцать в высоту, из того же чёрного металла, что и стены. Они не открывались — они раздвигались, как диафрагма, сегмент за сегментом, с низким скрежещущим звуком. За ними открывался туннель — длинный, тёмный, подсвеченный красным. Платформа вплыла в него, и ворота сомкнулись за спиной с лязгом, похожим на финальный аккорд похоронного марша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.